

A woman with long dark hair, wearing a white dress with a dark floral pattern, stands in a misty swamp. She is looking away from the camera towards a dense forest of tall evergreen trees. The ground is wet and reflective, mirroring the woman and the surrounding environment. The overall atmosphere is dark and mysterious.

Хозяйка болот

Irina S

Irina S

Таёжные байки

<https://litres.ru/74022986>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами цикл мистико-исторических рассказов. Он полностью посвящен богатой сибирской мифологии и тесно переплетается с реальной историей.

Каждая история раскрывает уникальный таежный колорит. В центре внимания всегда остается человек. Вы увидите всю силу и слабость сибирского характера. Это глубокое погружение в самобытную культуру великого края.

Содержание

Хозяйка болот	4
Глава 1. Студент	4
Глава 2. Ночёвка.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Таёжные байки

Хозяйка болот

Глава 1. Студент

Летом 1991 года со мной произошла невероятная история, которая повлияла на всю мою жизнь. У каждого человека есть своя история, но не у каждого она такая.

В те времена химлесхозы еще работали, хотя в воздухе уже отчетливо пахло развалом огромной страны. Все казалось бессмысленным, особенно для парня, который учился на бесперспективную, как тогда виделось, специальность — инженер-технолог лесоинженерного дела.

Тогда нас, студентов-практикантов из красноярского СТИ, отправляли в тайгу не просто посмотреть на производство, а вкалывать на подсочке и сборе живицы наравне со штатными рабочими.

Я согласился на это только ради возможности нормально заработать перед учебным годом, да и отказаться было не вариант. Но реальность превзошла все мои ожидания.

Я возненавидел эту практику, свой факультет и больше всего на свете — саму тайгу.

Я размышлял и горько смеялся над своими стараниями в

учебе. Как же я убивался на сессиях, только бы, не дай бог, не отчислили и не забрали в армию. Теперь, выжимая из себя последние силы, я думал, что армия точно была бы лучше.

То лето было жарким и душным. В довершение всего меня жрали. Комары и мошка шли такой плотной тучей, что воздух казался серым. Я беспрерывно мазал лицо и руки смесью дёгтя и ДЭТы. Кожа под этой адской химией мгновенно становилась черной и липкой. Стоило случайно облизнуть губы, как во рту селилась невыносимая химическая горечь. Мошка всё равно забивалась под ресницы, лезла в уши, отчего приходилось обматывать голову платком. Я чувствовал себя грязным, вонючим чертом, застрявшим в аду.

По идее, нас должны были учить всему циклу, но по факту никто ничего не показывал. О вздымах, окорке деревьев и размывке каустика я слушал только сбивчивые рассказы учетчика и других мужиков.

Вся моя практика свелась исключительно к сборке. Меня просто кидали на участки отпускников — проще говоря, затыкали дыры.

Вообще-то нас приехало пятеро. Но девчонок начальство сразу отправило на другой, ближний участок — от греха подалее. По мнению руководства, нефиг было парням и девкам вместе без присмотра по тайге шастать, аморально это. Из пацанов же в итоге остался я один. Валька сбежал примерно через неделю, просто умотал на продовольственном грузовике. А Сашка свалил позавчера — якобы заболел. Ну,

температура у него вроде и правда поднялась, так что его закинули в кузов к бочкам с живицей и услали в посёлок.

Вот и вышло, что я с утра до вечера в одиночку ходил от сосны к сосне, с острым скрапом, и выскребал смолу из воронок, наполняя огромное ведро.

Смола не была жидкой или тягучей, как я всегда думал. Она уже была застывшей, зернистой, липкой — точь-в-точь как засахаренный мед. Пахла одуряюще сильно, на удивление приятным сосновым ароматом, который намертво въедался в нос.

Первые дни я набивал ведро этим тяжелым «сахаром» доверху. Но тащить неподъемную массу было невыносимо, и я стал таскать по половине до ближайшей бочки. Но быстро понял, что бегать слишком далеко, и это не дело. Опять стал наполнять доверху и еле еле с передышками волочить это проклятое ведро.

Однажды, в очередной раз пыхтя, матерясь и ноя под нос, когда до бочки оставалось метров пятнадцать, вдалеке на песчаной дороге я увидел фигуру человека. Издалека мне показалось, что это ребенок. Но маленький человек шел тяжелой походкой с огромной понягой за спиной. Когда он приблизился, это оказалась женщина неопределенного возраста с грязным от дегтя лицом и беззубой улыбкой.

— Ты студент, че ли, наш? А где второй? Медведь съел? — она глухо засмеялась. — Ты кого тут возишься? Ой-ёй-ёй! Давно волочишь-то?! — сказала она, кивком указывая

на мое неподъемное ведро.

Она ловко выскользнула из своего берестяного короба-горбовика, который мне издали показался понягой. Взяла мое ведро, с присядкой вскинула вверх и с грацией тяжелоатлета взгромоздила на свое еле выступающее плечо. Преодолела за секунды расстояние до бочки и вывалила жилицу одним резким ударом.

Я стоял в безмолвном изумлении. В ней было не больше полутора метров роста.

— Лена я, Ленка-тунгуска, на Николаевском живу, недалеко тут! Чернику собрала, пойду возне отдам за сахар, чтоб привез! А ты кто?

Я знал о ней, но видел впервые. Она была единственным местным жителем этой бескрайней тайги. Отшельница Ленка-тунгуска!

— Ты немой, что ли? — спросила она, влезая обратно в свой короб.

— Я Коля. Николай Майснер.

— Ох, немец, что ли? Нравится у нас?

— Ага, — угрюмо ответил я.

— Ну давай, немец, свидимся еще, я тут часто хожу. И не ной, тайга гунды не любит, она девка с норовом! Ты ж мужик, вон какой здоровый! А за все время и двух бочек не наскреб, позорище! Ты в день должен не меньше трех делать. Таким ходом кроме грыжи ничего не заработаешь.

Говорила она удаляясь и сплевывая горькую ДЭТу с дег-

тем.

Остаток дня я безуспешно пытался повторить трюк Ленки. С пустым ведром, ясен пень, всё получалось. Хотя назвать его пустым можно было лишь условно — оно со всех сторон было облеплено смолой и мусором. А вот полное ведро закинуть ловко на плечо не удавалось, приходилось еле-еле затаскивать его и идти. И всё же на плече носить было легче, и дело пошло быстрее.

К вечеру я наконец-то заполнил эту проклятую бочку, хотя с прошлым темпом мне понадобилось бы еще пара дней. Плечо болело нещадно. Я наполнил еще одно ведро и оставил его возле бочки — идти до следующей пустой просто не было сил.

Но настроение впервые за все время пребывания здесь было отличным. И это несмотря на то, что я ко всему прочему был весь в смоле. Мой плотный рабочий комбинезон стал липким и деревянным от застывшего соснового сахара. Снять его оказалось отдельным испытанием. Я буквально содрал его с себя, ощутив прохладу и облегчение, и швырнул прямо на закрытую полную бочку.

Гнус тут же принялся яростно грызть меня через тонкое трико и футболку. Идти до времянки было неблизко, и, чтобы просто дойти живым, пришлось заново густо намазаться своей адской смесью.

Весь черный, липкий, но преисполненный гордости, я закончил свой рабочий день.

Дни потянулись ровнее и легче — адаптация дело такое. Мой участок с каждым днем всё сильнее отдалялся от времянки. Приходилось заканчивать раньше, но не всегда удавалось уследить за временем.

Зато я начал замечать красоту этого места. Звук тайги. Этот звук остался со мной на всю жизнь.

Я закрывал глаза, и это был шум настоящего океана. Верушки сосен раскачивались и шумели, точно мерный прибой. Четкая дробь дятла доносилась откуда-то из глубины, будто далекая морзянка радиста на затерянном судне, а тяжелый, хлопающий взлет глухаря напоминал резкий порыв ветра в парусах. И все это переплеталось с легкой перекличкой птиц над зеленым морем и постоянным, живым треском и хрустом веток.

Тайга никогда не молчала, противореча мечтательным высказываниям поэтов о «тишине леса». Тут не было места этой тишине, она говорила бесконечно! И это было прекрасно — словно голос любимой женщины.

Иногда я опаздывал и натыкался на сумерки. Тайга в это время начинала жить совсем другой жизнью. Она как будто приоткрывала свое одеяло и выпускала что-то наружу, на волю.

Я шел быстрым шагом, подсвечивая дорогу своим тусклым фонариком, и отчетливо слышал из глубины какие-то разговоры, женский смех, шепотки и плач детей.

Приходя в балок, я рассказывал об этом мужикам. Самое

жуткое, что никто не спорил и не высмеивал меня.

— Что это такое? — спрашивал я.

А мне лениво отвечали:

— Да что угодно. Вороны орут, деревья скрипят, вода журчит, почва ходит... Духи тайги. Это ты еще Белую бабу не видел или деда Ибахана. Успокойся, никто тебя не тронет, если егозить не будешь. Увидишь бабу, ближе к топям, — сразу отвернись и за ней не иди.

Дядька Толик говорил это с таким будничным лицом, что я никак не мог понять: он серьезно или шутит?

А Захар добавил и похабно загоготал:

— Даже если шибко охота, идти-то! — и двусмысленно поиграл бровями.

Выходных у меня не было — точнее, я их не брал. Заняться на балках было абсолютно нечем, да и заработать хотелось побольше. План по сборке был одна бочка в день, но говорили, что если очень постараться, можно было набрать и две. У меня не получалось, как ни старался. Слова Ленки о трех бочках по плану не выходили из головы, хоть я уже и понял, что она меня просто дразнила.

Так что в очередную субботу, поспав чуть дольше, я вышел на сборку. День был прохладным, и время как будто замерло. Я работал, пока не услышал звуки приближающегося «ГАЗика». Поспешил к дороге и увидел, как водитель, дядя Миша, уже скатил в новом месте две пустые бочки.

Увидев меня, он удивился:

— Ты чего еще тут, студент? Банный день же и выходной, часов, что ли, нет?

Я посмотрел на часы — десятый час. Вечера!

— Совсем сдурел, или по тьме шастать нравится?

Я растерянно забормотал, что забыл, солнца из-за туч нет, вот и не заметил, как завечерело.

— Ну, обратно я тебя не повезу, горючки мало кататься туда-сюда, — отрезал дядя Миша. — О, а ты иди к Ленке, тут пара километров по тропе вон той, она по ней постоянно бегает. Заодно сахар ей отнеси, а то мне крюк делать не с руки, всё катаю его, отсырел уже.

— Ладно. А мешок большой?

— Большой, да донесешь, не ссы, иди водружу.

Он навалил на мою и без того заезжанную горбушку мешок сахара, и я как истукан побрел по тропе до Ленки-тунгуски, панически боясь споткнуться или качнуться — вряд ли я смог бы поднять такой мешок в одиночку.

Дом Ленки был похож на обычную времянку, только больше и с высокой крышей под сеновал — я знал, что она держала козу. Участок был просторный, ухоженный, с огородом. Всё как в деревне, только без забора.

Я увидел её сразу: она была во дворе, возилась с травой. Увидев меня, выпрямилась и медленно пошла навстречу. Я не знал, как к ней обращаться. При первой встрече она представилась Леной, все её так и звали, но я не мог — воспитание не позволяло говорить «ты» человеку намного старше

меня.

— Здравствуйте! Я на участке заработался, поздно уже возвращаться, дядь Миша вам сахар сказал отнести... — мой голос стихал по мере её приближения. — Может, можно у вас переночевать?

Она смотрела на меня молча, как будто не узнавала. Затем медленно подняла руку, показывая пальцем в сторону дома, и сказала:

— В летник положи. Можно, немец, чего ж нельзя. Баня у меня как раз.

По спине пробежал холодок. Вспомнилась русская сказка, где Ивана Баба-Яга в бане купала перед тем, как съесть. Вроде она его все же не съела.

Глава 2. Ночёвка.

В доме у Ленки было очень чисто. Это была одна комната, буквально забитая таежным богатством. Сушеные грибы, травы и ягоды — всё было в холщовых мешочках и плотно украшало стены, создавая эффект мощной звукоизоляции. Но, в отличие от времянок у местных работяг, это не создавало хаоса и запущенности.

В правом углу было несколько икон на белоснежном кружевном платке. Там же лежала старая и толстая Библия в кожаном переплете. Высокий деревянный топчан, служивший кроватью, был застелен на манер бабушек — подушки аккуратно прикрыты вуалью. Но отделяющей ширмы не было.

В другом углу комнаты был небольшой невысокий загон, видимо, для козы в зимнее время.

У окна стоял деревянный стол, покрытый клетчатой клеенкой. На стене висели фотографии животных из набора открыток научного журнала. Там же была фигурная настенная полочка, заставленная мелкими сокровищами: камушками, цветными карандашами, книжками, яркими брошюрами иеговистов и игрушками.

Над плитой печи, как и у всех местных, была установлена металлическая сетка в два яруса, на которой лежали грибы: белые и оленье рога. Запах этой сушки перебивал все остальные и въедался похлеще живичного.

Печь топилась, отчего в избе было жарко, как в бане. На предпечке стояла кастрюля с дуршлагом, в котором лежали остатки коры от лиственничной серы, добавляя характерный аромат.

Я стоял и рассматривал этот антураж, невольно силясь запомнить каждую деталь. Это было красиво. Грустно, но красиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.